

НАША СТРАНА

Год издания 73-й. Буэнос Айрес, 6 июня 2021

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 6 de junio de 2021

No 3151

К 40-ЛЕТИЮ ПРОСЛАВЛЕНИЯ

Цвети Российского луга духовного в году лютых гонений дивно процветали новомученицы и исповедницы безчисленны: царственнии страстотерпцы, святители и пастыри, монахи и миряне, мужие, жены же и дети, добрый плод в терпении Христу принешиши, молитесь Ему, яко насадителю вашему, да избавит люди Своя от безбожных и злых, да утверждается же Церковь Русская кровью и страданиями вашими во спасение душ наших.

Святити новомученицы Российстии, молитесь Богу о нас!

Я сожалею, что Господь не судил мне жить в 30-е. Удивительное время. Последняя эпоха в истории России и Европы, когда за веру принимали смерть огромные массы людей.

Новомучеников Российских 30-х годов с европейскими (в том числе и русскими) правыми 30-40-х сближает не только христианская вера и общий антикоммунистический пафос, но еще и полная земная безнадежность их протеста. И те и другие знали что идут на верную смерть и будут раздавлены в неравном противостоянии разбушевавшимся по всей Европе коммунистической и либерально-охлократической модернистскими стихиями. Отсюда и жертвенный культ смерти, и адамовы головы в христоименных войсках стран антикоминтерновского Пакта - павших после 1945-го православных царствах и католических королевствах, правых республиканских государствах, вдовствующих монархиях и т.д... После проигрыша в войне старой Европы репрессиям подверглись миллионы христиан и кровь христианская в Европе, как несколько ранее в России, поднялась до небес. А когда кровавая пелена, поднятая палачами и мучителями, опала, это был уже другой, секуляризованный и дехристианизированный современный нам мир.

Вечность начинается там, где кон-

чается будущее. Где исполняется до конца Божия Воля. На земле мы связываем то, что на небе связано и разрешаем то, что на небе разрешено.

Правда, христиане должны уметь жить и в дехристианизированном мире. Другое дело, что у аскетических авторов есть теория, что в конце истории мир будет настолько испорчен, что спастись будет почти не возможно. но я не верю в эту теорию. Уметь жить в дехристианизированном мире мы, конечно, должны. Но забывать тех, кто всё сделал, чтобы эту катастрофу предотвратить, не должны.

Не по-христиански это, забывать тех, кто защищал от красной чумы свои земли и отдавал за возможность воспитывать в христианской вере своих детей, свои жизни.

Можно ли сегодня за веру смерть принять? Сегодня нет такой потребности. Специально мученичество искать - грех. А убивать сейчас - в России и Европе (другое дело в Индии, на Среднем Востоке и в Северной Корее) уже никого не убивают. Не потому, что меньше стали ненавидеть христиан, а потому, что христиане больше не составляют собой государство-образующее количество, а потому никому конкурентами не являются.

Пострадать за веру выпало другим. Но у нас есть шанс начать правое дело заново. Мы теперь научены всему, ибо наши духовные предшественники испили полную чашу страданий и прошли путь гонений до конца.

Поезд ушёл. Теперь, когда христианского мира больше нет, у немногих оставшихся христиан осталась лишь их зона ответственности, вверенные им Богом люди. И всё.

Но поезд может вернуться. Всякое в истории бывало. И вот если он вернётся (или начнёт возвращаться) мы это все сразу почувствуем.

Ф. Сергеев



Слева - архиепископ Виталий (Устинов), Монреальский и Канадский. Рядом - Архиепископ Афанасий (Мартос) Буэносайресский и Аргентинско-Парагвайский. Канонизация Новомучеников Российских Зарубежной Церковью. Нью Йорк, 1-ое ноября 1981

СОВЕТСКИЙ ВЫБОР

Что хуже - путинизм или ельцинизм? Как говорили в одном южнорусском городе, это две большие разницы. Многие до сих пор убеждены, что путинизм - лучше, и даже значительно. Однако путинизм - это советская реставрация.

С точки зрения этого - самого основного - критерия, отхода от советчины, ельцинизм выглядит несравнимо предпочтительнее.

Собственно, весь наличный отход именно тогда и случился. Его было мало, он был неконцептуален, случаен, половинчат, но он всё же был. Помимо главного изъяна - непроведения системной декоммунизации и десоветизации, он проявлялся и в очевидной разногласии, неконсолидированности самого ельцинского режима, в котором переплетались прямая семейственность, временнический авантюризм и космополитический либерализм в понимании советских интеллектуалов.

Первые два компонента, без услужливой помощи заинтересованных СМИ, в сознании обывателя явно перевешивали плюсы последней, хотя и существовали прежде всего благодаря ей. Возможно, не будь кризиса 1998 года - ключевого события ельцинского правления, по сути положившего ему конец, или если бы Ельцин, даже такой, каким он тогда уже был, нашёл в себе силы пойти наперекор Думе и обеспечить себе либерального преемника, развитие страны под названием РФ дало бы куда более симпатичные результаты к сегодняшнему дню.

Всё-таки даже безнациональный либерализм предпочтительнее его полного хамского и глумливого отрицания путинским «чеккизмом» (совершенно нерусским по своей генеалогии и внутренней сущности, но при этом рядящимся в «патриотические» одежды, всю эксплуатируя ресурс нелеченой советской ностальгии) хотя бы потому, что допускает, среди прочего, возникновение в рамках либерального политико-правового пространства и настоящих национально- и исторически ориентированных, сознательно несоветских, не приемлющих советское прошлое политических и общественных сил. Принципиально советско-ориентированный чеккизм-путинизм, ведёт РФ в какой-то уже последний тупик.

Резюмируя, видеть в ельцинизме лишь некий клоунский пересменок между совок-1 и совок-2 - значит задним числом сводить всегда непредрешиемый и потенциально многовариантный исторический процесс к жёсткой механической схеме - клетке с марионетками. Но даже вырожденная позднесоветская история не является такой схемой, где всё заранее расписано и подчинено воле кукловода. Свобода всегда лучше ее отсутствия, плюрализм - единообразия.

Нет нужды спорить о Ельцине,

его нелепостях, алкоголизме и проч. Но даже такой Ельцин - лучше, и намного, спортивного, ловкого, ставящего на место всех и вся Путина. У ельцинской России, при всех её неурядицах, была перспектива нормализации в смысле приближения к цивилизованной, европейской стране, а у путинской, увы, нет - только быть злобно лающей шавкой на обочине истории. Путинизм - это конец.

Дальше перспектива может возникнуть лишь в результате глубокого кризиса, чреватого огромными рисками, в первую очередь, дальнейшим распадом.

Путинизм - это подтверждение советского выбора, и уже окончательное. Это согласие на советскую латиноамериканизацию вместо попытки европеизации - т. е. сознательное вытягивание самих себя за волосы из совкового болота. Наоборот, болото это провозглашено «родиной», «домом», «нашим».

С водворением Путина и «путинским выбором» (его можно чётко зафиксировать моментом утверждения советского гимна) нужно было переименовать РФ в СФ - Советскую Федерацию. По большому счёту, как это ни грустно, поддержка Путина vs Ельцина выявляет выбор в пользу советской идентичности по сравнению с русской, пусть и совершенно потенциальной. Но в ситуации политического плюрализма такая потенция имела и могла постепенно актуализироваться, ведя открытую, неподцензурную идеологическую и политическую борьбу со своими оппонентами.

В результате со временем, в ходе открытой дискуссии могли бы выкристаллизоваться настоящие русские силы, позиции, лидеры, была бы возможной работа по десоветизации сознания, по разоблачению и развенчанию советских мифов, по инвентаризации и пропаганде утраченного русского наследия как реальной политической и мировоззренческой альтернативы советскому миру. Вместо всего этого советский мир сделали «нашим всем», фундаментом идентичности, нисколько не заботясь даже о его критическом осмыслении (хотя бы), а всё остальное - доведком и инкрустацией, «для блезиру».

Чему конечно в определяющей мере помог огромный нефтяной доход, не будь которого, совершенно неизвестно, куда бы пошёл путинский «капитализм», в какую казарму. И очень смешны были ахи по поводу ельцинских «морд». Олигархизм нынешних больше на порядок, но он тих, тайн, и прикрыт совпатриотической риторикой. Как мало надо людям, чтобы обманываться.

Путин строил Эрэфию «под себя», довольно точно полагая, что она - явление типическое. Вот и построил государство-шпану для шпаны.

Д. Карамышев

Парижские миражи

ЗОЛОТОПОГОННИКИ

Леонид Николаевич Кутуков, из старинного дворянского рода Рязанской губернии, родился в Санкт-Петербурге в 1897 году. Окончил 3-ю классическую гимназию, затем студент Юридического факультета. Накануне Февральского переворота произведён в офицеры и вышел в Запасный Батальон Лейб-Гвардии Московского полка. Весной 1919 года участвовал в красном Петрограде в заговоре «Белого Меча». Летом и осенью 1919 года сражался в рядах Северо-Западной белой армии генерала Юденича.

В конце 1920 года приехал к род-ственникам в Рим; с мая 1924-го поселился во Франции. С 1942 по 1944 год сотрудничал в «Парижском Вестнике». С 1947 года печатался в «Часовом», газете «Россия» и в других изданиях — в частности и особенности в «Нашей Стране», где он писал с первого года её издания.

Зная несколько языков, всегда работал в области туризма.

Умер в Ницце в 1983 году.

"Наша Страна" воспроизводит его статью, сохранившую актуальность и по сей день.

Кто был никем,
Тот станет всем...
(Интернационал)

Самой большой достопримечательностью русского Парижа и центром жизни эмиграции является, несомненно, православный собор Святого Александра Невского на рю Дарю, перед алтарём которого происходят крещения, бракосочетания и отпевания парижских россиян, отмечающие эти основные этапы нашего земного существования. На ежесубботные церковные службы стекаются верные прихожане помолиться, побывать в родной обстановке, воспринять с молоком матери, отслужить молебен о здравии или панихиду по родным покойникам...

Годами встречаются там всё те же знакомые лица, постепенно стареющие, блекнувшие, но неизменно ищущие в этих стенах пядь родной земли когда-то покинутого ими отечества. А рядом с ними окармливаются новые лица нового поколения, подрастают новые люди, также идущие сюда, чтобы, во исполнение заветов старших, почти что как бы физически побывать хотя на никогда невиданной и неведомой, но влекущей их к себе Родине и получить волнующую возможность духовно осязать её...

В переживаемые нами переходные исторические времена, чреватые решающими политическими и военными событиями, когда нарушается весь организованный уклад мирной парижской жизни, когда нет исчерпывающего газетного осведомления, когда трудовая жизнь эмиграции подвергается неоднократно самым радикальным и неожиданным переменам, небольшая, как бы исконная русская территория, непосредственно прилегающая к собору, вмещающая в себе церковный двор и небольшой отрезок парижской улицы с русским книжным магазином и русским рестораном, является центром бьющей ключом жизни русской эмиграции, местом подпольной информации, как самых неожиданных, так и деловых свиданий, биржею труда и просто беспечной возможностью старым

друзьям чокнуться рюмкой водки и закусить её настоящей русской селёдкой или солёным огурцом.

После бурного освобождения Парижа от германской оккупации и полного нарушения налаженного было при них уклада жизни, эмигранты имеют теперь обыкновение собираться особенно многолюдно возле церковной ограды, в то время как беженская жизнь уже вновь начинает мало помалу входить в нормальную колею. И стало было уже наступать постепенное успокоение в умах, как вдруг оно было неожиданно нарушено внезапным появлением советских военных людей в золотых погонах и с красными звездами на фуражках.

Такое потрясающее зрелище, совместное появление таких неравнозначных эмблем, как и следовало ожидать, истолковано было присутствующими по-разному, согласно логике, темпераменту и знаниям каждого.

Одни, самые счастливые, искренно, увидели давно желанный символ, обрадовались и решили, что вот наступил, наконец, уже долгожданный момент неизбежного заключения революции и объявления Национальной России: нет больше ни красных, ни белых, и все вновь стали, наконец, просто русскими. Блажен, кто верует...

Другие же, более стреляные воробы, которых не так-то уж просто провести на пропагандной мякине, при виде необычайного сочетания двух эмблем — антитез, задали себе вопрос: кто кого? Звезда погоня или погоня звезда? В какую сторону пойдёт дальнейший изгиб сталинской «генеральной линии»? Что возьмет верх? Кто кого одолеет? Но ведь после того, как будет одержана победа, надо будет выиграть советский мир, а это не менее сложно и опасно, чем и сама война. Торжествующий большевизм вновь раздавит ростки пробивающейся русской исторической традиции, или русская стихия уничтожит большевизм: звезда или погоня?

Для одержания советской победы большевизм пошёл в российский каноссу, явно показал этим свое политическое банкротство, используя в своих выгодах столь до того кроваво гонимую им русскую историческую традицию. Чтобы не сгубить, не погибнуть, не рассыпаться в прах от мощного внешнего удара, большевизм призвал к себе на помощь и упразднённую им самим православную веру («опиум для народа»), вспомнил об отечестве, о Родине, об Отчизне («Отечество — это буржуазный предрассудок»), всколыхнул тени российских народных героев, Александра Невского, Петра Великого, Суворова, Кутузова (созидателей и наиболее ярких представителей «проклятого царского режима»), ввел вновь чины и золотые погоня, показав и нашим изумленным очам новосотворённых «золотопогонников»...

Мы много слышали в наши дни о «сознательном» патриотизме советского солдата, не только оказывающего отчаянное сопротивление «фашистскому агрессору», но и переходящему в решительное контрнаступление.

Справедливость заставляет нас констатировать, что Временное Правительство в 1917 году ещё

не отменило, как это потом сделали большевики, ни русской тысячелетней истории, ни русской славы: ни Александра Невского, ни Дмитрия Донского, ни Петра Великого, ни Суворова, ни Кутузова... Почему же наше «христоролюбивое воинство» тогда, в 1917 году, не только было равнодушно к подвигам древнерусских героев и к знаковым русским традициям, но воспыало к ним чувством внезапной и безудержной ненависти, выразившейся в зверствах и расправах в отношении всего, что являлось воплощением русской государственности.

И это тем более удивительно, что не только дисциплинарный устав императорской армии был чрезвычайно гуманным, но и в жизни народной не было ни ГПУ, ни коллективизации, ни концлагерей, ни крепостного права, ни прочих «достижений самого демократического в мире государства». А потому мы позволим себе усомниться, что лишь в советской «патриотической» пропаганде заключается секрет боеспособности Красной Армии.

Поскольку нам уже теперь дана возможность делать определённые выводы, два фактора способствуют советским победам: во-первых, это с дьявольской бесчеловечностью гениально организованный аппарат принуждения НКВД, и во-вторых, не менее бесчеловечно уничтожение немцами голодной смертью пленных красноармейцев. Как только эта страшная весть распространилась среди солдат Красной Армии, тотчас же прекратились сдачи немцам, которых население и армия приняли, было, за освободителей, целых групп советских армий, ибо перед каждым красноармейцем ясно определилась самая простая и, можно сказать, жизненная дилемма: сражаться и, может быть, уцелеть, или попасть в плен и умереть голодной смертью. Но мы вовсе не хотим огульно оскорблять таящегося в каждом красноармейце потомка суворовских чудо-богатырей: совершенно очевидно, что если советы, схваченные за горло, нашли насущно необходимым в целях спасения режима прибегнуть к «патриотическим» мерам, то это служит лишь явным доказательством того, что ни ленинский угар 1917 года, временно затуманивший тогда русские мозги, ни двадцатилетняя большевицкая антирусская пропаганда не смогли сделать из русского человека бездушным советской скотины, творящей лишь экономические ценности.

Да, мы, белые русские, можем оговориться всё же; ибо, наподобие своего рода «эмигрантского Магомета», мы твердо остались на наших идеологических позициях среди бушующего моря всех наших беженских невзгод, а многомиллионная, могучая и победоносная советская гора сдвинулась, якобы, наконец, с пьедестала своего марксистского величия и «идеологически» пошла нам навстречу. Спасая драгоценные свои ленинско-сталинские шкуры, заодно и плацдарм мировой революции, смощенничали они, передёрнули, прикинулись, притворились... А все же волей-неволей сделать то ведь пришлось это в подражание



Леонид Николаевич Кутуков, — псевдоним "Николай Кремнев"

нам, «белобандитам!» Эх! Тоже, с позволения сказать, «идеалисты»!

Но под влиянием грандиознейших событий, происходящих как бы под знаком типической борьбы народов, даже и среди, казалось бы, уже искушенной эмигрантской массы, прошедшей в свое время советские огонь и воду, и медные трубы, обнаруживается трагический раскол, трепещет эмигрантская страдавшая душа и при виде советских офицеров не находит себе покоя, все задавая себе один и тот же, пока еще, увы, не вполне разрешенный вопрос: красная звезда или погоня? А, может быть, этот капитальный вопрос вовсе даже и не является неразрешимой дилеммой и, в сущности нет причины так близко принимать к сердцу это потрясающее символическое противоречие советской военной формы? Может быть все это и не так уж сложно, и ларчик то открывается гораздо проще и без всякой, так сказать, идеологичности. Зачем напрасно ломать себе голову, когда в жизни — все повторяется — ведь она — как «море-океан»: приливы и отливы...

Старая ткань отбрасывается и заменяется новой, а каждая тварь ищет себе лучшего места под солнцем, стараясь подтолкнуть падающего своего соседа. Так однажды, и то было уже давно, во времена французской и тоже, конечно, великой революции, когда восторженная толпа санкюлотов, возбужденная опытными демагогами до высшего накалывания заманчивыми лозунгами (применяя современную терминологию) свободы, равенства и братства, то есть ненавистью к «тиранам» и жаждой грабежа, ворвалась, наконец, в один из аристократических парижских дворцов, то жена одного из впоследствии известнейших во французской истории «пролетарских» вожаков тогдашнего «освободительного» движения, уселась победоносно на стильном княжеском диване, обшито драгоценным штофом, расправила свою камлотовую юбку и с торжеством громогласно заявила: «Maintenant c'est nous les princesses!»

Что в русском вольном переводе обозначает: «Вот а теперь мы стали господами...» Такова народная мудрость. И, может быть, в этом весь закон и пророки...

Николай Кремнев

Газета «Россия», Нью-Йорк, 27 марта 1947, № 3591, с. 2-3.

Граф А. Коновницын

КАЛЕЧИВШАЯ РОССИЮ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ



Царю Павлу Петровичу было 42 года, когда после долгих лет бездействия он наконец взойшёл на трон. И это – благодаря внезапной смерти его матери, императрицы Екатерины Второй. Ему было восемь лет когда его отец был убит, а родился он 20-го сентября 1754 года, в день памяти князя Михаила Черниговского и его боярина Фёдора, мученически убиенных за Христа татарами.

Император считал, что мать незаконным путём пробралась к трону, урезав его сильно в правах. Эта узурпация трона была толчком к разномыслию с матерью. Он также обвинял её в убийстве отца – императора Петра III – продержавшегося на троне не более шести месяцев.

Императрица Екатерина Вторая скончалась, когда ей было 67 лет. Умерла она якобы от апоплексического удара – по официальной версии. Но существует ещё и иная, что её утопили в уборной, так как после удара она не могла передвигаться и ей "помогли" умереть. Это чудовищное убийство могло произойти, ибо оно было бы в стиле той кровавой эпохи, с её постоянными дворцовыми переворотами и чередующимися цареубийствами.

Восемнадцатый век – чёрная страница нашей истории. Ведь сама Екатерина Вторая была замешана в убийстве двух венценосцев – Петра Третьего и несчастного Иоанна Шестого, томившегося с младенчества в разных казематах и умерщвленного стражей при попытке его освобождения.

По смерти Анны Иоанновны, Иоанн VI-ой Антонович был объявлен императором, находясь под опекой своей матери, Анны Леопольдовны, а при воцарении Елизаветы Петровны был сослан, как и его родители, в Холмогоры, но содержался отдельно от них. Затем был заключен в Шлиссельбургскую крепость где томился многие годы, теряя постепенно разум, и был убит стражей – заколот во время попытки поручика Василия Мировича его освободить.

Но вернёмся к временам Петра Первого. В 1709 году под Полтавой, в Малороссии, шведы были разбиты. Раненный Карл XII, а с ним и Мазепа со своими казаками, бежали в Турцию, где этот аморальный гетман, предатель и интриган, усыплявший бдительность Петра Первого, вскоре в Бендерах и помер.

Некоторые из казаков-изменников поддались в Польшу; среди них находился полковник Фёдор Мирович – дед упомянутого выше поручика. Тогда имение Мировичей в Смоленске было конфисковано

казной и они обеднели. Молодой поручик Мирович (1740-1764) был в долгах, как в шелках, выпивал, скандалил играл в карты и отличался буйным характером. Он ненавидел Петра Первого и его дочь Елизавету, а Екатерину Вторую называл убийцей и обливал нецензурной бранью. Однако его не трогали.

Не только в России, но и в Европе поползли слухи, что Екатерина Вторая сама разыграла этот очередной фарс, чтобы избавиться от лишнего претендента на трон, используя Мировича в своих целях. Невозмутимое бесстрашие и хладнокровие, проявленные Мировичем, наводили на мысль, что ему было обещано помилование. Поручик взойшёл на эшафот безбоязненно и спокойно склонил голову на плаху. Его публичная казнь, состоявшаяся в 1764 году, пришлась многим не по сердцу, так как при Елизавете Петровне народ отвык от подобных зрелищ.

В мемуарной литературе большинство современных, как бы сговорившись между собой, оставили потомству гнусную карикатуру на несчастного императора Павла Первого, приравнивая его кратковременное царствование с блестящей эпохой Екатерины Второй. Такое предвзятое мнение было стандартом для всего 19-го века. Часть дворянства, в своём безумии, оправдало убийство монарха, которое произошло глухой ночью 24 марта 1801 года и считало это исторической необходимостью.

Англия, вне всякого сомнения, была причастна к этому убийству, через Жеребцову, которая являлась сестрой одного из главных убийц, графа Зубова. Жеребцова общалась с английским посланником, раздававшим крупные суммы денег, чтобы сорвать коалицию между императором Павлом Первым и Наполеоном. Был выработан совместный план: двинуться общими силами на Индию – сухопутным путём. Уже находясь на острове Святой Елены, Наполеон всегда с почтением отзывался об императоре Павле Первом.

Злой рок, преследовавший нашего царя при жизни, не оставил его и после его ужасной кончины... Император остался оклеветанным и по сей день. Как сказал в одном из своих замечательных стихотворений, посвящённом памяти Царя-Рыцаря, С. С. Бехтеев, этот бард и ревнитель поруганной чести России:

*Историков продажные уста
Перед потомками тебя оклеветали...*

Историки такого формата, как Шильдер и поляк Валишевский, негативно охарактеризовали царствование Павла Петровича.

По мнению историка Н. М. Карамзина правление Екатерины Второй было самым счастливым для России, хотя он критиковал её последние годы. Однако маститый историк Ключевский дал правильное описание её царствование: «Ей нужны были громкие дела, для всех очевидные успехи, чтобы оправдать своё воцарение». Екатерина Вторая никогда не забывала, что благодаря дворянству она стала императрицей, а в 1785 году ею был издана грамота с привилегиями для дворянского сословия, которому она патронизировала.

Этот класс пользовался большими льготами за счёт крестьянства,

что и привело к обрушившейся на Российскую Империю пугачёвщине.

Самозванцы – довольно яркий феномен в истории России, в особенности с того момента когда – в 1598 году – прервалась первая династия. Среди таковых находилась и княжна Тараканова, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны и причинившая много хлопот Екатерине Второй.

Последняя была педантична в исполнении своих обязанностей, рано вставала, сама топила печку, делала себе чёрный кофе и садилась сразу за работу. К еде была равнодушна, пила мало, одевалась просто, только лишь по требованиям дворцового этикета наряжалась.

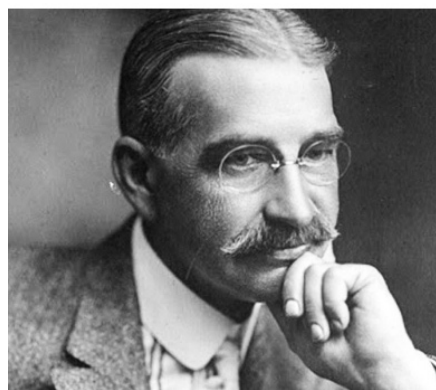
Религией не интересовалась, хотя внешне соблюдала обряды; сказало влияние энциклопедистов и идей деизма. По мнению этой императрицы-философа, Церковь должна управляться государством, как было при Петре Первом.

После захвата власти, Екатерина Вторая звала в Петербург французского философа Дидро и сулила ему финансовую помощь для завершения энциклопедии, запрещенной во Франции, а Д Аламбера приглашала стать воспитателем царевича Павла.

Она переписывалась со многими французскими философами, которые вызвали к жизни великую кровавую революцию 1789 года и поэтому некоторые консервативно мыслящие короли считали её и её окружение гнездом революционных идей.

Её кумиром был Вольтер, он даже стал членом Российской Академии Наук и получил задание написать монографию о Петре Первом, о котором лестно отзывался.

Екатерина Вторая повергла гонениям веру православную. Правда после гибели королевской семьи Франции, она изменилась, но было поздно!



Прислушаемся ко мнению мыслителя С. Л. Франка о смысле русской революции: «Исторические истоки нигилизма восходят к вольнодумному кружку вельмож Екатерины Второй, то есть к французскому просветительству 18-го века. При Екатерине Второй зародилась русская интеллигенция. Европеизация русской жизни, набравшая силу при Петре Первом и его преемниками, и особенно при Екатерине Второй – только духовно калечила Россию, а немецкий политический мыслитель Вальтер Шубарт прямо заявил, что со времени Петра Первого Европа была проклятием России».

Отношения с матерью были натянуты, но царевич Павел Петрович никогда не покушался свергнуть её с трона, хотя были моменты, когда он смог бы это сделать. Однако он желал преобразовать вооружённые силы – он восхитился армией Фридриха Второго – а также критиковал роскошь двора и личную жизнь

матери, в особенности засилье фаворитов, которые поглощали львиную долю казны и ложились тяжким бременем на крестьянство.

Павел Петрович предпочитал также независимую Польшу в союзе с Россией, вместо её разделов. Екатерина Вторая дважды узурпировала трон её сына, ибо регентство матери кончилось в 1776 году, когда тот достиг своего совершеннолетия. Стало быть она переросла своё регентство на целых 30 лет.

Среди прочих заслуг, император Павел Первый привёл династический вопрос о престолонаследии – поколебленный дворцовыми переворотами – в порядок.

Натура этого монарха была рыцарской, а судьба – трагической. Он стал жертвой эпохи, на пылающем фоне кровавой французской революции. Павел Петрович пытался облегчить участь крестьян и старообрядцев, а также боролся со всякими проявлениями коррупции. Во внешней политике отстаивал принципы идеалистических рыцарских начал, вопреки государственному эгоизму европейских держав во главе с Англией.

Старый Кирибей (Пётр Николаевич Щабельский-Борк), автор книги «Павловский гобелен» замечательный русский патриот, посвятивший всю свою жизнь борьбе против клеветы на императора Павла Первого, касаясь вопроса о чудесах, совершившихся на гробнице монарха, утверждает, что таковых было зафиксировано не менее трёхсот. В доказательство, он ссылается на брошюру, изданную в своё время причтом Петропавловского Собора.

«Блаженни есте, егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще Мене ради».

ОБРАЩЕНИЕ
К РУССКОМУ
РАССЕЯНИЮ

Глубокоуважаемые
зарубежные соотечественники!

С 2014 года я был занят написанием историко-документального романа о генерал-лейтенанте Петре Николаевиче Врангеле, о чём любезно упоминала "Наша Страна" на своих страницах.

Наконец-то готов первый том, более 500 страниц рукописи. Я знаком с сотрудниками двух книжных издательств. Но, согласно нынешним правилам, бесплатно издать книгу ранее неизвестному автору практически невозможно.

В связи с этим прошу поддержки у читателей "Нашей Страны", от которых я не раз получал тёплые и трогательные отзывы о моих стихах и статьях. Давайте совместно прославим русского героя и патриота, боровшегося за Российское Отечество.

Буду рад любой посильной помощи. Её можно пересылать по Вестерн Юнион, на имя Anton Vasylyev, город Москва, сообщая мне номер перевода на адрес guglovetz@gmail.com

Молюсь за всех вас, как уверен, и вы за меня. Сделаем общее русское дело.

Антон Борисович Васильев

Николай Казанцев

МОЯ ПЕРЕПИСКА С АЛЕКСАНДРОМ СОЛЖЕНИЦЫНЫМ

1.

Как только Солженицын, которого в одной из моих статей я сравнил со спартанским поэтом Тиртеем, был выслан из СССР и оказался в Цюрихе, я стал высылать ему "Нашу Страну". Отправил также и книги Ивана Солоневича. Поначалу никакой реакции не последовало, но затем Александр Исаевич прислал для опубликования в нашей газете своё "Обращение к Старшим Революции", где он просил белых эмигрантов доставлять ему документы и воспоминания.

Ярвался в Швейцарию, письменно просил о встрече, но поскольку ответа не было, решил больше ему не докучать. Однако когда мне удалось поступить на буэносайресское ТВ – стать репортёром весьма популярной программы "Видео Шоу", транслирующейся по 11-ому каналу – то не удержавшись, послал Нобелевскому лауреату письмо:

19 октября 1978

Дорогой Александр Исаевич!

На протяжении последнего десятилетия в качестве редактора буэносайресской русской газеты "Наша Страна" и сотрудника аргентинских периодических изданий я всячески старался популяризировать Ваше имя и Ваши творения – как по-настоящему важный вклад в правое дело.

Теперь же я стал сотрудничать в самой крупной журналистической программе аргентинского телевидения и наверное в ближайшее время буду командирован в США.

Я очень прошу Вас дать мне интервью (зная насколько Вы заняты – хотя бы 10-минутное). Оно несомненно сильно повлияло бы на здешнее общественное мнение, проясняя его, и одновременно увеличило бы продажу Ваших вещающих правду о России книг, в особенности, распространяющегося здесь испанского издания второго тома "Архипелага ГУЛаг". Не скрою и то, что встреча (хотя бы односекундная, хоть раз в жизни!) с Вами мне грезится уже много лет. Хотя я родился в 1948 году в Австрии, в семье белых эмигрантов, и Россию не видал никогда, я люблю её отчаянной любовью и следовательно не могу не относиться к Вам, кого я искренне считаю современным русским Тиртеем, не иначе как с любовью, преданностью и готовностью послужить Вам всеми мне доступными способами.

Низко Вам кланяюсь.
Искренне Вам преданный
Николай Леонидович Казанцев

Ответ я не получил и больше не настаивал. Однако год спустя я вновь обратился к писателю, на этот раз с просьбой присылать регулярно для публикации в "Нашей Стране" его выступления и материалы. За это время Александр Исаевич, естественно, позабыл моё отчество, как и отчество издательницы газеты, Татьяны Владимировны Дубровской, урождённой Киреевой, поручившей мне редакторство газеты в 1967 году.

20.3.80

Многоуважаемый Николай.....! (простите, Вы не назвали Васшего отчества)

Я получил Ваше письмо от 28 декабря, но до меня оно дошло с опозданием: у нас мало сил и мы не справляемся с перепиской во время. Простите. По Вашей просьбе посылаю Вам сейчас моё заявление о двух священниках.

Надеюсь, посланное мною не так давно к Вам заявление моих четырёх друзей из России так же будет напечатано у Вас.

Мне трудно обещать Вам, что я всегда буду успевать высылать Вам мои выступления, – но все короткие, где-либо печатаемые или сообщаемые, Вы можете использовать для своей газеты без моего предварительного согласия, только удостоверившись в точности текста. Когда же будут выступления длинные (например, на днях – в Foreign Affairs) то такие я печатаю обычно лишь в одном «Вестнике РХД», во всяком случае они никак не идут для газеты, – но можете с английского текста давать свои краткие переложения, из русского – выдержки.

Всего самого доброго Вам и Татьяне (Владимировне? Или Константиновне? ошибаюсь)

Солженицын

Грешным делом, я ослушался писателя и такие его выступления как в "Форин Афферс" публиковал полностью – но Александр Исаевич как правило не протестовал. После выхода из печати моей первой книги на испанском языке об англо-аргентинской войне 1982 года – "Мальвины огнём и кровью" – я послал экземпляр Солженицыну, с таким посвящением: "От автора, всю жизнь равнявшегося в русскую историю, и оказавшегося в истории аргентинской". К тому времени Татьяны Владимировны уже не было в живых, она скончалась 15 мая 1982 года, когда я был на фронте, и издателем стал заведовать её брат, Михаил Владимирович Киреев. Упомянутый писателем в нижеприводимом письме Анатолий Григорьевич Макриди – первоходник, в годы Второй Мировой войны редактор рижской газеты "За Родину" и долгие годы ведущий сотрудник "Нашей Страны" скончался ещё ранее – в 1981-ом. Он и его жена, Татьяна Николаевна, переписывались с Солженицыным. Касательно Мальвинской войны то вполне понятно, – писателю тогда не могло быть ясно, что насилие первыми применили британцы, а Аргентина лишь защищалась.

Излишне сказать, что большое впечатление на меня произвело решение Александра Исаевича постоянно финансировать нашу монархическую, белую газету, Ни я, ни Татьяна Владимировна, ни Михаил Владимирович Киреев его об этом никогда не просили.

7.11.82

Дорогой Николай Леонидович! Большое спасибо за присылку книги. Действительно, досадная судьба: врать в русскую историю,

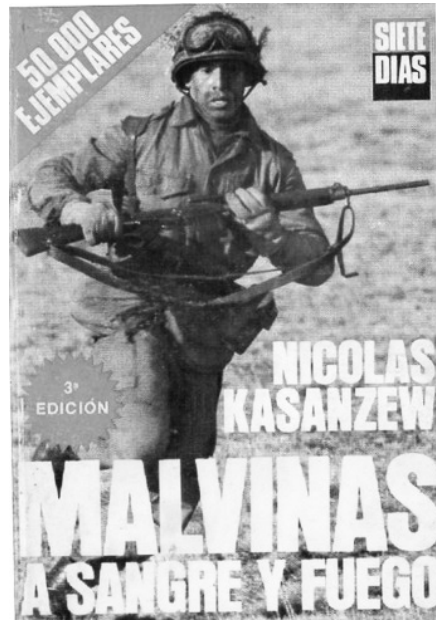
а застрять в аргентинской и ещё вот в этой никому не нужной войне, где обе стороны неправы: англичанам давно пора не держаться за острова на другой стороне шара ("геополитические аппетиты" как известно только у царской России...), а аргентинцам не применять бы насилие, когда не такое насилие грозит всему миру. И угораздило ж Вас попасть в самую заваруху (Татьяна Николаевна Макриди очень беспокоилась) – ну да, для личных впечатлений это полезно; Анатолий Григорьевич завещал мне непременно с Вами повидаться и не упустить Вас из виду. Постараюсь не упустить, надеюсь наша русская история ещё впереди.

А Вы – как бы ни были необходимостью заработка и всеми обстоятельствами загнаны в Аргентину – даже не переезжая оттуда можете поучаствовать в русской хоть эмигрантской жизни. "Наша страна" – с лучшими намерениями, но влияние её – только на неизменный круг её читателей. Нет ли у Вас желания поучаствовать в каких-либо русских журналах – "Рус. Возр."? "Вече"? "Гранях"? (там сейчас новый редактор Рутыч – Рутченко, хочет оживлять журнал) – в журналах, читаемых в более разнообразных и широких кругах и задевающих локтями друг за друга. Из этой толкучки тоже что-нибудь выйдет. В какой-то степени (пусть не большой) и в эмиграции определяются контуры будущих русских обстоятельств.

Как идут дела у Михаила Владимировича с газетой? Справляется? Скажите ему, пожалуйста, что в январе, как обычно, вышлю редакции 1000 долл. – писать на его имя? (А ещё: приехав сейчас из азиатской поездки, не обнаруживаю "Наш.Страны" № 1674, 1675. М. б. и не почта виновата, я не уследил, – но если эти экземпляры есть в лишних дублях – нельзя ли мне выслать для комплекта?)

Будете писать Татьяна Николаевна Макриди – передайте моё извинение, что не пишу: в Австралию, как я собирался, – не собрался, не хватило выдержки путешествия.

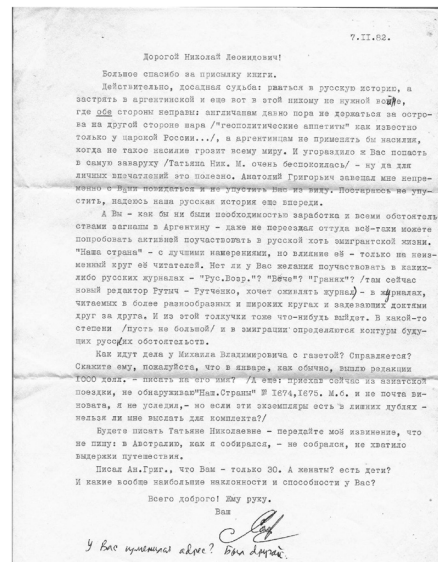
Писал Анатолий Григорьевич, что Вам – только 30. А женаты? Есть дети? И какие вообще наибольшие



Вышедшая в 1982 году моя первая книга, которую я послал Солженицыну в Вермонт, США

наклонности и способности у Вас? Всего доброго! Жму руку.

Ваш
Солженицын
У Вас изменился адрес? Был другой.



Буэнос Айрес, 30 ноября 1982

Дорогой Александр Исаевич!

Ваше письмо меня глубоко взволновало. Дело в том, что сразу после высылки я порывался встретиться с вами, да не удалось. А я именно хотел услышать от Вас: что делать для нашей страны? С самого раннего детства я мечтал об одном: вернуться в Россию. Буквально, вернуться, хотя родился я за границей и никогда к русской земле не прикасался. Я поклялся умереть за свободу России, но увы, путей к этому так и не обнаружил.

Тогда, в ожидании "похода" взялся за пишущую машинку и, помимо участия в аргентинской прессе, стал сотрудничать в "Нашей Стране". С 1967 года и по сей день я являюсь её фактическим редактором. Михаил Владимирович (равно как и раньше Татьяна Владимировна) заведуют лишь технической и финансовой частью.

Я бы не прочь последовать вашему совету, участвовать в иных изданиях, но тогда "Нашу Страну" пришлось бы закрыть, так как заниматься и тем и другим мне – невпроворот. А раз Вы столь дружески относитесь к газете, значит всё-таки считаете её нужной?

Слов нет, я готов бросить "Нашу Страну, (да и решительно всё на свете) ради любого более полезного для России дела, но является ли таковым сотрудничество в "Вече" или "Гранях"?

Мне 34 года. Женат, трое детей. Влюблён в русскую историю, которую изучаю с детства, пытаюсь разглядеть её истинный облик, замутнённый толстым слоём отечественной и иностранной лжи.

Очень благодарю вас за намерение снова пожертвовать а фонд издательства такую крупную сумму. Она поможет упорядочить рассылку газеты. Чек пишите на имя Михаила Владимировича, но лучше пошлите на мой адрес. Номера 1674 и 1675 Вам высланы. Татьяне же Николаевне я неотлагательно передам Ваши слова.

Нельзя ли получить Вашу Тайваньскую речь? Крепко жму руку.

Глубоко Вам преданный
Н. Казанцев